

Габриэль Гарсиа Маркес:

«Я АБСОЛЮТНО ИСКРЕНЕН...»

когда не обхожусь вольно с фактами, работая в журналистике.

Вопрос: А когда вы — писатель?

Ответ: Еще не написал рассказа или романа, в которых бы не было правдивого эпизода или факта. Интересно, что одного неточного факта в статье порой достаточно для того, чтобы свести на нет все ее содержание. В то же время единственный реальный факт в романе может заставить читателя поверить в то, что и все остальное в нем не вымысел...

Вопрос: Но одного элемента действительности еще недостаточно, чтобы написать книгу...

Ответ: Мои друзья часто говорят мне: «Габо, хочу рассказать тебе реальную историю, на основе которой ты сможешь написать роман».

Я внимательно выслушиваю и всякий раз нахожу, что их истории просто убоги. Ошибаются те, кто верит, что литература, даже реалистическая, стремится сравняться с действительностью. Она скорее всего — ухваченная, улучшенная, организованная и выправленная действительность.

Вопрос: А вы знаете, как ухватить, улучшить и т. д. эту действительность?

Ответ: Еще год назад думал, что больше ничего не смогу написать. Буквально заставлял себя взяться за работу. Я мог

писать только на бумаге определенного качества и лишь в своей комнате у себя дома, которая всегда была натоплена и имела одну и ту же температуру воздуха.

Вопрос: Неужели это правда, что вы следите за температурой в комнате, в которой работаете?

Ответ: Не знаю точно, какая это температура — я ее чувствую и стараюсь поддерживать. Комната всегда хорошо натоплена. Для работы я еще натягиваю на себя комбинезон механика с молнией, которую могу быстро расстегнуть, чтобы принять душ.

Вопрос: Это целый ритуал...

Ответ: Еще не все. Нужно также, чтобы я печатал на своей электрической пишущей машинке. Кстати, их у меня три. Они совершенно одинаковые. Не стану называть марку, чтобы не делать рекламу фирме, выпускающей эти машинки, но все три всегда у меня наготове. Для чего? Да чтобы, если одна вдруг выйдет из строя, я мог бы сразу работать на другой, имея в запасе третью. Иначе при поломке мне приходилось бы ждать мастера. Такое раньше случалось, и я долго из-за этого не мог опять включиться в работу. Но в конце концов я понял, что все эти мои причуды — не что иное, как предлоги для того, чтобы не

писать. И мне пришла идея — еженедельно сочинять статью. Год назад я встретился в Боготе с владельцем газеты «Эспектадор» и договорился регулярно писать для ее воскресного приложения.

Вопрос: Хроника, которую можно прочесть затем во всех газетах Латинской Америки!..

Ответ: Да, это обязывает меня работать много. Каждую неделю по статье — очень сурово. И я должен бдительно следить за тем, как пишу. Ибо критики все более придирчивы ко мне. Я не могу позволить себе ни одной синтаксической ошибки, ни одной даже малейшей грамматической оплошности.

Вопрос: Как ваши причуды существуют с этой нормой — статью еженедельно?

Ответ: Сейчас мне писать так же трудно, как и раньше. Но теперь исчезли предлоги, чтобы не писать. Мне приходится работать в отелях, на бог знает какой бумаге, печатая на машинках, которые мне дают в долг...

Вопрос: В репортерских условиях...

Ответ: В первую очередь я — журналист, а потом уже писатель. Еженедельно я раскрываю два американских журнала, три французских и один итальянский. Помимо этого, получаю две крупнейшие газеты из Колумбии. Иногда вся эта периодика

скапливается, но я всегда ее прочитываю.

Вопрос: То, что вы вновь вернулись к регулярным занятиям журналистикой, кажется, сделало вас счастливым?

Ответ: Я нуждаюсь в этой деятельности. Когда пишу книгу, делаю это почти без остановок. Иначе должен все начинать сначала. Чтобы написать «Историю одной смерти, о которой все знали заранее», я работал абсолютно все дни в течение шести месяцев. Но когда книга закончена, могу несколько лет не писать. Тяжело вновь начинать. Нужна тренировка. С моей еженедельной статьей мне легче работается.

Вопрос: Если бы вас спросили, какова ваша политическая позиция?..

Ответ: Я солидарен с кубинской и никарагуанской революциями. И вообще — сторонник революции в каждой стране Латинской Америки. Но считаю, что одной модели не существует. Каждая революция должна искать свои решения проблем.

Вопрос: Можете ли вы сейчас вернуться домой в Колумбию?

Ответ: Сегодня, да. Я был вынужден уехать оттуда в марте этого года, так как моей свободе угрожала опасность. Но знаю, что могу вернуться туда, когда захочу. И буду в Колумбии, вероятно, самым охраняемым че-

ловеком в стране: ведь, если со мною что-то случится, произойдет международный скандал. Однако не уверен, что своим возвращением на родину сделаю подарок военному правительству.

Вопрос: Вы испытываете тоску по родине?

Ответ: Колумбии мне не достает.

Вопрос: Ваши книги также ведут туда. Все ищут Макомбо из «Ста лет одиночества» в Колумбии, и вы никогда не опровергали это. Действие последней вашей книги «История одной смерти, о которой все знали заранее» тоже там разворачивается?

Ответ: В книге ничего не уточняется.

Вопрос: Но реальные события, которые вдохновили вас, произошли в Колумбии?

Ответ: Книга написана на основе убийства, совершенного тридцать лет назад в одной деревне на атлантическом побережье... Больше ничего не скажу.

Вопрос: Многие критики приветствовали в вашей книге сочетание литературы (рассказа) и журналистики (репортажа).

Ответ: Когда пишешь книгу, хочешь, чтобы ее прочитали до конца. Нужно избегать фраз, которые отвлекали бы внимание читателя. Я счастлив, когда мне говорят о моей работе, что она лаконична и что ее можно с увлечением читать...

Вопрос: Какова доля испол-

зования следственных документов в работе писателя?

Ответ: Здесь есть своеобразная литературная техника: нужно заставить читателя поверить, что перед ним проходят события, совершившиеся 26—27 лет назад. Эта вера необходима, чтобы лучше понять, как произошло преступление. Я стараюсь приобрести досье следствия. Предлагаю 5000, потом 10 000, затем 20 000 песо тому, кто его найдет. Но оно исчезает. Тогда я выдумываю следственные документы.

Вопрос: Это трудно?

Ответ: Нет, я знаю, что многие из моих персонажей — мои друзья. Кстати, моя последняя книга «История одной смерти, о которой все знали заранее» должна была быть моим первым произведением. Я задумал написать ее еще тридцать лет назад — в 1951 году, когда еще не сочинил ни одного романа. Я был журналистом в Баранкилье и, как профессионал, сразу ухватился за это преступление. Один человек был убит после того, как вся деревня уже знала о готовящемся преступлении. Его закололи ножом, когда он был уже возле дверей своего дома. Но дверь закрыла его же мать. Это невообразимая вещь — богатый, влиятельный человек убит двумя мясниками. Моя ма-

ма просила меня не писать ничего об этой истории, пока жива мать жертвы. Я пообещал. Спустя пять лет узнал о смерти этой женщины. И тогда начал думать о книге.

Вопрос: Как ваша мама оценила книгу?

Ответ: Она ей не нравится. Однако я пошел на компромисс, единственный в моей жизни: написал, будто мать жертвы закрыла дверь, чтобы помешать войти в дом убийцам.

Вопрос: Когда читаешь ваши книги, обнаруживаешь противоречие: с одной стороны, романист рассказывает о судьбе кучки жителей одной деревни; с другой — журналист, носящийся с идеей, что некоторые режимы должны улучшить условия существования своих подданных...

Ответ: Такое противоречие существует, вы правы. В Латинской Америке все мы — люди разобщенные. Мог бы вам ответить, что писатель заостряет проблемы, тогда как журналист стремится к их решению. Однако оба работают в одной действительности. Но я искренен в обоих случаях. Я абсолютно искренен. Хочу добавить также, что в обоих случаях, каковы бы ни были трудности, писать для меня — всегда утешение.

Перевели с французского
А. МОЙСЕЕВ
и Н. ШАТАЛОВА.